

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВИНТЕР 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Поздравлять легко и трудно одновременно. Иной раз прочтешь штампованные здравицы про «многие лета» и «большое человеческое счастье», а образ юбиляра остается размытым, где-то на втором плане. И когда сам стоишь перед приятным долгом поздравить родного и близкого человека, моментально теряешь понимание главного. Можно начать традиционно.

Сергей Владимирович Винтер родился 23 апреля 1951 г. в г. Славянске Сталинской (ныне Донецкой) области Украинской ССР, в семье технических сотрудников Славянского содового завода. Каково! И понимаешь из текста, что юбиляр немолод. Нет уже не только такой области, страны и завода, нет и покоя на его родной земле. Да и сам он далеко...

Сергей Владимирович вошел в мою судьбу на первой паре второго дня обучения в Мелитопольском педагогическом институте. Было это 2 сентября 1984 года. Зоология беспозвоночных. Какие-то малоприятные картинки простейших организмов. Тихий голос лектора, даже не пытавшегося утихомирить нас, быстро почувствовавших безнаказанность. И в конце лекции абсолютно не в тему:

- А если кого интересуют околостуденческие интеллигентствования на почве изучения птиц, например, можете обращаться, – а в тонких почти рыжих усах усмешка, ирония, грусть, трудно определить.

Забыл сказать, что прозвучало это после звонка и в полном шуме. Как услышал и не забыл, я до сих пор не пойму. Но услышал. И обратился.

В первые дни нашего знакомства Сергей Владимирович пригласил меня к себе в общежитие, где в жутких условиях и на малой площади усадил пить чай и слушать ... Вивальди. Помните виниловые диски и проигрыватель с иглой звукоснимателем? И дисков этих было два метра на полке. Шок. А где беседы о птицах? Планы на дальние

и продолжительные экспедиции? Ничего подобного. Просто попили чай, послушали музыку, поговорили о чем-то. Однако домой я шел с полной сумкой интереснейших книг о птицах. Сейчас трудно понять тогдашний мой трепет. Сегодня Интернет еще тот книжный магазин, а в те времена орнитологической литературы в маленьком Мелитополе просто не было.

Вот так и начались наши регулярные встречи. В какую-то из них, в комнату вбежали два белоснежных бантика, из под которых раздался крик:

- Папа, меня сегодня в школе похвалили.

Так я узнал о дочери Марине, которая, спустя годы, сделала Сергея Владимировича счастливым дедом трех внуков. В то время Анна Николаевна, мама Марины, заканчивала диссертацию в Ленинграде, и пришивать оторванные пуговицы на школьном фартуке приходилось Сергею Владимировичу.

Первая наша экспедиция была «на красавку». В Приазовском районе Запорожской области в с. Маковка Сергей Владимирович устроил «полевой стационар», представлявший собой заброшенную половину дома, которую мы снимали у хозяйки за 50 копеек в сутки. Каждое утро, выходя в поля, мы нахаживали по 20 км, иногда встречая журавлей красавок. Во время этих экскурсий оказалось, что разнообразие птиц куда больше моих представлений об этом, но терпение Сергея Владимировича, многократно повторявшего названия одних и тех же видов, дало свои результаты. И вот первое в моей жизни гнездо журавля с кладкой из двух яиц. Засекли мы птицу на поле озимой пшеницы. Пересидели в лесополосе время, нужное для точной привязки. Выпучив глаза, побежали по полю, не теряя ориентир. Поднявшаяся с гнезда птица – награда за все старания. Сергей Владимирович с невероятной нежностью делал промеры и описывал яйца. Мне же была отведена почетная роль записывать озвучиваемые цифры и... собирать экскременты в окрестностях гнезда.

С 1989 года Сергей Владимирович организовывает изучение гнездовой биологии серого журавля в Харьковской области. В пойменных лесах Изюмской луки на Северском Донце ему удается получить в пользование довольно сносную избушку в одном из лесничеств, где затем многие годы мы жили рядом с журавлями. Можно ли сегодня представить себе стационар, где у нас было все необходимое для полевых работ, да еще и библиотека, собранный гербарий из 450 экземпляров растений, бинокляр, торсионные весы, коллекция бабочек. Исправная дровяная печь решала все бытовые вопросы тепла (в апреле бывало холодно) и пропитания (вплоть до консервирования грибов). Забыл главное – в доме не было замков. С 1989 по 1999 годы журавли здесь изучались ежегодно, затем периодически до 2015 включительно. Результатом этой «инициативы Винтера» стали более 200 найденных гнезд, сотни часов хронометража поведения населяющих птиц, «принятые роды» у более 50 птенцов, изучение линьки, питания, предмиграционного скопления.

В этот период, возвращаясь из очередной экспедиции, мы завернули в Славянск, расположенный от Изюма в 60 км, где я познакомился с семьей Сергея Владимировича. Владимир Васильевич Винтер, так пояснял происхождение своей фамилии:

- Він тер та вона терла. Ось двох синів і натерли.

При этом подарил мне свою книгу о сортах садовых культур, в то время как мама, Анна Ивановна, терпеливо ждала, когда подойдет тесто для замечательных пирогов. Брат же, Александр Владимирович, приходил к вечеру, забирал Сергея Владимировича, и встречались мы уже ранним утром в автобусе, где до самого Мелитополя

мой Учитель тревожно спал, периодически попивая минералку да выкуривая на оставках сигаретку.

В феврале 1988 года Сергей Владимирович пригласил нас, троих студентов, в медпункт пединститута, где всем сделали инъекции от энцефалита. Так долгие зимние мечтания об экспедиции на Дальний Восток начали сбываться. А уже в мае самолетом из Симферополя с двумя посадками в Челябинске и Улан-Удэ мы добрались до Хабаровска, после чего еще немного приключений, и мы на реке Бикин (приток Усури). Новая фауна птиц, да еще какая! Сергей Владимирович, несколько сезонов работая на Дальнем Востоке и защитив на этом материале в свое время диссертацию, прекрасно знал всех птиц Приморья, что и нам позволило «не потеряться». Помню его милое хвастовство: «Нет ни одной птицы, которую я бы увидел, а позже не нашел гнездо этого вида». А виды не простые: японский журавль, дальневосточный аист, мандаринки, чешуйчатые крохали, невообразимой скрытности пеночки и белоглазки, иглоногие совы, клинохвостые сорокопуды и милый сердцу урагус. Оказалось, что работать мы будем в составе российско-украинско-японской экспедиции. Спустя пару дней международных застолий, мы, забравшись в дремучие дебри уссурийской тайги, поставили палатку и без сил завалились спать. В предрассветной темноте Сергей Владимирович выбрался наружу и исчез. Когда же мы, вдоволь выспавшись, вылезли из палатки, то на костре уже кипел чайник, а улыбающийся Учитель рукой показывал направление, откуда ранним утром с открытой лиственничной мари были слышны унисональные крики пары черных журавлей. В этот же день мы нашли их гнездо. Обустроили лагерь в ближайшей сопке. На монгольском дубе Юрий Андрющенко выстроил комфортабельную платформу, сидя на которой мы провели 103 часа непрерывных дневных наблюдений за насивающей птицей. Стоит ли говорить, что была собрана ценнейшая информация о наименее изученном виде журавлей Палеарктики.

Затем была еще одна поездка на Дальний Восток, уже на международное совещание, проходившее на трехпалубном теплоходе, следовавшем по Амуру из Хабаровска до Благовещенска и назад. Помню инициативу Сергея Владимировича оторваться от парохода, стоявшего сутки на какой-то пристани, и «сгонять на Бурею».

Отмечу, что в 1992 году жизнь была непростая. В населенном пункте Амурзет («Амурское земельное еврейское товарищество») электричество давали на пару часов вечером (для просмотра информационной программы «Время»), деньги мало что значили, в магазинах пусто. И вот стоим мы на грунтовой дороге, голосуем. Подобрал нас грузовик-вахтовка с молчаливым водителем, который в силу дальневосточного радушия довез нас прямо до места впадения Буреи в Амур. И тут-то Сергей Владимирович достает из своего рюкзака непочатый блок иностранных сигарет и отдает водителю. Невиданное богатство в краю, где и папирс-то не видели с весны. Водитель с трудом поверил в реальность происходя-

щего. А на Бурее мы набрали замечательных опалов, сердоликов, яшму и окаменелых кусков дерева, которыми потом делились на теплоходе с иностранцами. Некоторые из тех камней до сих пор лежат у меня на книжной полке.

В те годы Сергей Владимирович был докторантом в Институте эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова (Москва). Трудно судить об успехах в написании диссертации, но в личной жизни произошли судьбоносные перемены. Встреча с Кристианой, преподавателем немецкого и переводчиком в одной из московских академий, закончилась официальной регистрацией отношений и переездом во Франкфурт-на-Майне в сентябре 1993 года. Приехав в Москву попрощаться, я застал Сергея Владимировича за ремонтом дверного замка, который вчера был сломан под конец свадебной вечеринки. Новый замок идеально вписался в старую дверь, и Винтер улетел в Германию...

Находясь за рубежом, Сергей Владимирович не потерял связи со всеми нами. В первые годы ему удавалось не только приезжать в совместные экспедиции, но и полностью их финансировать.

В письмах из Германии, всегда иронично теплых, добрых и светлых, были вложены фотографии «деревышек». Это еще одна сторона жизни юбиляра, о которой пару слов. Что можно привезти домой из экспедиций? Из Маковки я вез шампиньоны, из Изюма – рога оленя, с Дальнего Востока – кедровую шишку. С.В. Винтер же отовсюду таскал домой невообразимой формы коряги из покрученных веток сосны, корней березы, какие-то отпиленные от стволов наросты, убийственной тяжести трутовики, а то и просто кусок коры, поеденный личинкой жука-типографа. Долгими вечерами, напившись крепкого черного чая, в нашей Изюмской избушке он брал нож и «снял лишнее» со всего этого безобразия. А дома, на полках, были выставлены поистине потрясающие вазы и другие, трудно определяемые обычными словами произведения, некоторые из которых автор называл «метаморфозами Венеры Милосской». И вот из одного письма узнаю, что Сергей Владимирович будет принимать участие во Всемирной выставке дерева, проходящей во Франкфурте, где в собственном павильоне он выставит свои коряги. Результат превзошел ожидания, принеся художнику мировую славу, правда, в узком кругу ценителей.

Вот уже 23 года С.В. Винтер в Германии. За это время Сергей Владимирович стал международным экспертом Европейской Рабочей Группы по Журавлям, принял участие в нескольких международных «журавлиных сборищах», публиковался в ведущих европейских орнитологических журналах, все чаще радуя и наши. Кроме того, он является эдаким мостиком между «украинскими журавлятниками» и европейскими коллегами. В вышедшей недавно всеевропейской монографии по серому журавлю, как и в предыдущей, участие украинских орнитологов не планировалось. Узнав об этом, Сергей Владимирович, на уже ставшем чистейшем немецком языке обратился к главному редактору: «Герр Пранге, Европа – это не только Германия, Франция и Испания». После этого, в монографию включены статьи из Украины. Такая вот интеграция.

Если у читателя сложилось впечатление об исключительном совершенстве внутреннего мира юбиляра – это в силу ограниченных писательских способностей поздравляющего. Сергей Владимирович разный! Добрый до злой правды, справедливый до неравноправности, ироничный до сатиры и юморной до границ обиды. И все это крепко приправлено безотказной обязательностью. Не ответил на вопросы в письме, не выполнил данного обещания, поступил в разрез светлым принципам, а то и не оправдал ожиданий – обязательно на эту тему жди болючих укулов. Правда он и себя

не жалеет в те редчайшие моменты, когда обещанное на вчера вечером, выполнил сегодня ранним утром.

Ежегодная традиция приезда юбиляра в Мелитополь включает и наши обязательные встречи. В уютную беседку Юрия Андриющенко втискиваемся и мы с Сергеем Подорожным, а встречает нас светлая улыбка нашего общего Учителя. Обязательный «пункт программы» - пение бардовских песен за полночь, которые Сергей Владимирович и сам исполняет тихим проникновенным голосом. Тут и доводящий до дрожи «Осенний вальс» Леонида Семакова:

*Птицы, изменницы, нас покидают,
Нам оставляя надежду.
Все переменится!*

И ослепительная простота «По Смоленской дороге» Булата Окуджавы:
*Может, будь понадежней рук твоих кольцо -
Покороче б, наверно, дорога мне легла.*

И пророческий «Средневековый диалог» Вероники Долиной:
*- Ах, худо, друг мой, очень худо!
Мы все надеялись на чудо,
А чуда что-то нет покуда,
А чуда не произошло.*

А затем снова Германия.

В далеком 1996 году ко дню рождения я получил от Сергея Владимировича письмо с вложенной фотографией очередной «деревяшки». Держу сейчас это фото в руках и читаю на обороте слова поздравления, которые привожу здесь и переадресовываю дорогому Учителю.

«Пусть все проблемы останутся в прошлом, а в настоящем и будущем – все чаще и чаще будет являться радость от замечательности этой, всегда такой короткой, жизни!»

Петр Горлов

«Этот многообразный фламинго»
Сосна обыкновенная. Лак.
С.В. Винтер, 1996 г.